

**Ассимилятивный потенциал сингармонизма
в языках агглютинативного типа**

Д. В. Цыганкин

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
kafmoksh 2012@rambler.ru*

Г. С. Иванова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
galina17-05@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В агглютинативных языках, к каковым относится и мокшанский, доминирующим типом словоизменения является приклеивание различных формантов к производной или непроизводной основе слова. В настоящей статье представлены результаты исследования, в которых нашло отражение прогрессивное уподобление гласных суффиксальных элементов по палатальности в диалектах мокшанского языка. Предметом исследования являются именные словообразовательные и словоизменительные модели.

Цель статьи: выявить степень распространённости прогрессивной ассимиляции гласных на деривационные и реляционные аффиксы.

Материалы исследования: диалектный материал, собранный в полевых условиях преподавателями и студентами филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва.

Результаты исследования и научная новизна. Анализ фактического материала подтвердил распространение прогрессивной ассимиляции гласных на суффиксальные элементы. Большинство аффиксов имеют двухвариантное (палатально-велярное) звуковое оформление. Агглютинация того или иного алломорфа к основе зависит как от качества гласного головного слога по ряду, так и от палатального или велярного характера ауслаутного консонанта. Согласно анализируемому материалу, степень распространённости аффиксального сингармонизма в диалектах неодинакова: в большей степени прогрессивная ассимиляция гласных распространена в темяшевском, юго-восточном, центральном диалектах; в средне-вадском диалекте из сферы её действия вышел конечный слог.

Научная новизна исследования заключается в том, что в статье впервые рассматривается действие прогрессивной ассимиляции гласных на суффиксальные элементы в мокшанских диалектах. Согласно анализируемому материалу, степень распространённости аффиксального сингармонизма в диалектах неодинакова: в большей степени он проявляется в темяшевском, юго-восточном, центральном диалектах; в средне-вадском диалекте из сферы его действия выпадает конечный слог.

Ключевые слова: языки агглютинативного типа, мокшанский язык, аффиксация, ассимиляция, сингармонизм, агглютинация.

Благодарности: авторы благодарны рецензентам, чьи ценные комментарии позволили исправить фактические неточности и улучшить качество текста, а также респондентам за их помощь при сборе диалектного материала.

Для цитирования: Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 510–518.

Assimilative potential of vowel harmony in languages of agglutinative type

D. V. Tsygankin

*Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
kafmoksh 2012@rambler.ru*

G. S. Ivanova

*Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
galina17-05@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: in agglutinative languages, such as Moksha, the dominant type of inflection is the gluing of various formants to a derivative or non-derivative basis of a word. This article presents the results of the study, which reflected the progressive assimilation of vowel suffixal elements by palatality in the dialects of the Moksha language. The subject of the research are nominal derivational and inflectional models.

Objective: to identify the prevalence of progressive assimilation of vowels into derivational and relational affixes, attracting dialectal material.

Research materials: the dialectal material collected under field conditions by the authors and students of the Faculty of Philology of Mordovia State University.

Results and novelty of the research: analysis of the factual material confirmed the spread of progressive assimilation of vowels to suffixes. Most affixes have two-variant (palatally velar) sound design. Agglutination of one or another allomorph to the base depends both on the quality of the vowel head syllable in a number, and on the palatal or velar nature of the auslaut consonant. According to the analyzed material, the degree of affixal vowel harmony in dialects is not the same: to a large extent progressive assimilation of vowels is common in Temyashevsky, Southeast, central dialects; in the Middle Vad dialect the final syllable emerged from its scope.

The scientific novelty of the study lies in the fact that the article first examines the effect of progressive assimilation of vowels on suffix elements in Moksha dialects. According to the analyzed material, the prevalence of affixing syngarmonism in the dialects is not the same: it manifests itself to a greater extent in the Temyashevsky, southeastern, central dialects; in the Central Wadi dialect, the final syllable falls out of its scope.

The results of the study contribute to the comparative and historical study of certain issues of phonetics and morphology of the Mordovian and Finno-Ugric languages.

Key words: languages of agglutinative type, Moksha language, affixation, assimilation, vowel harmony, agglutination.

Acknowledgements: the authors are grateful to the reviewers whose valuable comments have helped to correct factual errors and improve the quality of the manuscript. *For citation:* Tsygankin D. V., Ivanova G. S. Assimilative potential of vowel harmony in languages of agglutinative type // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (3): 510–518.

Введение

Языки финно-угорской группы отличаются от других языков по ряду признаков, это фиксированное на первом слоге ударение, многопадежность, наличие послелогов и лично-притяжательных суффиксов, отсутствие согласования между определением и определяемым словом, отсутствие приставочного словообразования, наличие сингармонизма и т.д. [9; 18; 20].

Тема сингармонизма в финно-угорских языках волновала и до сих пор волнует как зарубежных [11; 23; 29; 30; 31; 32; 33], так и отечественных исследователей [2; 6; 10; 14; 19; 25; 26; 28].

Одни учёные возводят его к уральскому периоду [22, 66; 32], другие считают данное явление относительно молодым [33].

Действие закона сингармонизма во всей словоформе отмечали многие исследователи. Так, финский учёный Х. Паасонен писал, что явление «прогрессивной палатальной аттракции гласных» является общемордовским и изживающим себя в диалектах. «В общемордовском языке между основой и аффиксами имели место те же фонетические закономерности, что и между слогами основы» [30, 105]. По мнению А. А. Шахматова, нарушение «общефинского закона» связано с появлением в языках гласных

неполного образования и в смягчении согласных в положении за гласными переднего ряда [28, 773–774]. Для Э. Итконена ориентиром был финский язык, где нет сингармонизма как такового, а наблюдается комбинирование составных частей вокализма. Ассимилятивная сущность такого комбинирования особенно ярко проявляется «в уподоблении гласных в окончаниях, которое нельзя объяснить как случайное распределение фонем» [29].

Д. В. Бубрих категорически отрицал наличие сингармонизма в мордовских языках: «Ни один из двух языков (эрзя и мокша) ни гармонии гласных, ни каких-либо её следов не знает. <...>. Эрзянское явление, многими принимаемое за гармонию гласных, такового не является. В мокша языке существует сходное явление, однако, в противоположность эрзя языку, в сильно разрушенном состоянии» [2, 69]. По мнению Т. П. Миронова, «нет никаких оснований утверждать, что это явление было присуще мордовским языкам раньше и лишь впоследствии было разрушено» [14, 44].

Ассимилятивное влияние гласного первого слога на последующие подчёркивал Н. Ф. Цыганов: «... с ассимиляцией гласных тесно связано другое фонетическое явление – гармония гласных» [26, 32]. Д. В. Цыганкин видит фонологическую сущность гармонии гласных в современных эрзянских диалектах в следующем: реализация гласных в словоформе обусловлена качеством конечного согласного предыдущей морфемы [25, 66–67].

В современных финно-угорских языках широкое распространение имеет прафинно-угорский закон сингармонизма (гармонии гласных), который предполагает употребление в слове гласных одного ряда. В период самостоятельного развития языков данная закономерность претерпела изменения [25, 67–68; 5, 138–139].

В этой связи актуальным представляется выявление степени распространённости сингармонизма на деривационные и реляционные аффиксы в отдельных финно-угорских языках, привлекая диалектный материал.

По степени самостоятельности все аффиксы мокшанского языка делятся на несколько групп [3; 4; 15]:

1) словообразующие, служащие для создания слов с новым лексическим значением. При производстве слов меняется часть речи, например: *куце-мс* «подняться» – *куце-ма* «лестница»,

аца-мс «стелить» – *аца-м* «покрывало», *кая-мс* «налить; насыпать» – *кай-ме* «лопата», *од* «молодой» – *од-ста* «в молодости», *сёксе* «осень» – *сёксе-нда* «осенью», *лов* «снег» – *лов-у* «снежный». Получается новое семасиологическое представление;

2) формообразующие, служащие для образования форм слов. При их агглютинации «основное значение слова остаётся то же, изменяется только оттенок» [4, 38]. Такие аффиксы образуют оттенки тех же частей речи (глаголов – от глаголов, существительных – от существительных и т.д.), например: *канд-омс* «нести» – *кан-не-мс* «носить», *мара-мс* «наложить» – *мар-се-мс* «накладывать» (многократная форма), *стирь* «девушка» – *стир-ня* «девочка» (деминутивная форма), *сяво-мс* «взять» – *сяв-к* «возьми то» (повелительная форма);

3) словоизменяющие (падежные и личные), например: *киш* «хлеб» – *киш-нь* (ген.), *киш-нди* (дат.), *киш-да* (абл.); *моле-мс* «идти» – *мол-ян* (1 л., ед. ч.), *мол-ят* (2 л., ед. ч.), *мол-и* (3 л., ед. ч.), *мольх-тяма* (1 л., мн. ч.). Они играют синтаксическую роль, осуществляя связь между словами [3].

Ещё одна группа аффиксов занимает промежуточное положение между вторыми и третьими, совмещая в себе функции формообразования и словоизменения, – это аффиксы указательности и притяжательности, например: *веле-сь* «село это», *веле-ть* «села этого», *веле-зе-нь* «села моего» и т. д.

В структуре слова аффиксы, относящиеся к каждой из перечисленных групп, знают своё конкретное место, их агглютинация к корню слова происходит в строго определённой последовательности.

В настоящей статье внимание уделено выявлению степени распространённости прогрессивной ассимиляции гласных на деривационные и реляционные аффиксы в диалектах мокшанского языка.

Материалы и методы

Наша статья является продолжением ранее проводимых исследований по диалектологии мордовских (мокшанского и эрзянского) языков [9; 12; 16; 24; 25]. Данное исследование опирается на диалектный материал, собранный авторами и студентами филологического факультета Мордовского государственного университета

имени Н. П. Огарёва во время диалектологических экспедиций на территории Республики Мордовия, а также в Городищенском, Наровчатском, Белинском районах Пензенской области в течение последних двадцати лет.

Методологической базой явились основные теоретические и методологические ресурсы, способствующие постановке проблемы, определению степени изученности данной проблемы в научной литературе.

В качестве основного метода был определён синхронно-описательный, предполагающий непосредственное наблюдение, анализ, классификацию языковых фактов; при проведении междиалектных и межъязыковых параллелей использовался метод сравнительного анализа; реконструирование фонетического и морфемного состава происходило при помощи сравнительно-исторического метода.

Результаты

В современном мокшанском языке большинство аффиксов имеет двухвариантное вокалическое оформление – с гласным переднего ряда и с гласным заднего ряда или с заднерядным вариантом редуцированного гласного. На их агглютинацию (от лат. *Agglutinatio* – приклеивание) огромное влияние оказывает прогрессивная ассимиляция со стороны гласного основы и согласного на морфемном стыке [9, 159; 21, 281–282; 25, 66–67; 31, 381–382].

Эта двойственность объясняется, в первую очередь, качеством конечного консонанта основы: если он велярный, то аффикс имеет гласный не переднего ряда, если палатальный или палатализованный, то в основе аффикса гласный переднего ряда.

В мокшанских диалектах сингармонизм распространяет своё влияние и на аффиксы с фонемой *ə*, которая реализуется в аллофонах переднего и заднего ряда, ориентируясь на соответствующий ряд гласного головного слога: центр. *mäl'-d'ä*, ю.-в. *mel'-d'e* «желания», но м. л. *mäl'-da* «желание»; центр. *käl'-d'ä*, ю.-в. *kel'-d'e* «языка», но м. л. *käl'-da* «языка» (сравните: центр., ю.-в., ср.-вад. *kov-da* «луны»; *lov-da* «снега»); центр., м.л. *per'-i* «в огород», ю.-в., ср.-вад. *pir'-i* «в огород» (сравните: центр., ю.-в., ср.-вад. *pand-u* «на гору»); центр. *mäl'-ft'ämä*, ю.-в. *mel'-ft'äme*, ср.-в. *mel'-ft'äma* «без желания», но м. л. *mäl'-ftäma* «без желания» (сравните: центр., ю.-в., ср.-вад.

kut-ftäma «без дома»; *lov-ftäma* «без снега»); а также на палатальность или велярность ауслаутного консонанта: центр. *vaj-d'ä* «масла», ю.-в., ср.-вад. *vaj-d'e* «масла», но м. л. *vaj-da* «масла»; центр. *par'-d'ä* «кадушки», ю.-в., ср.-вад. *par'-d'e* «кадушки», но м. л. *par'-da* «кадушки».

В глагольном словоизменении палатальный и велярный характер аффиксов наблюдается в формах изъявительного наклонения прошедшего времени первого и второго лица множественного числа (центр. *-mä*, ю.-в., ср.-вад. *-me*; центр. *-d'ä*, ю.-в. *-d'e*) и в формах императива (центр., ю.-в., ср.-вад. *-ma*; центр., ю.-в., ср.-вад. *-da*): центр. *rama-mä*, ю.-в., ср.-вад. *rama-me* «мы купили»; центр. *putä-mä*, ю.-в., ср.-вад. *putä-me* «мы поставили, положили»; ср.: м. *rama-ma* «надо, нужно купить», м. *putä-ma* «надо, нужно поставить»; центр. *mar'gä-d'ä*, ю.-в. *mer'gä-d'e*, ср.-в. *mer'gä-d'e* «вы сказали»; центр. *s'imä-d'ä*, ю.-в. *s'imä-d'e*, ср.-вад. *s'imä-d'e* «вы пили», но центр., ю.-в., ср.-вад. *vanä-da* «смотрите»; центр., ю.-в., ср.-вад. *kandä-da* «несите»; центр., ю.-в., ср.-вад. *putä-da* «поставьте».

В словообразовании двухвариантность аффиксов наблюдается почти во всех знаменательных частях речи. Так, многие праязыковые существительные образовались с помощью аффиксов: **-ma/*-mä* (> *-me*): *lamba-* (мотивирующее слово исчезло) → *lamba-ma* «сладость», *šapa-* (мотивирующее слово исчезло) → *šapa-ma* «кислота», но *t'äjä-ms* «мести, подмести» → *t'äl'-mä* (> *t'el'-me*) «веник, метла», *kaj-a-ms* «налить, насыпать» → *kaj-mä* (> *kaj-me*) «лопата»; **-ka/*-kä* (> *-ke*): *jota-ms* «пройти» → *jot-ka* «проход», *rašta-ms* «родить» → *raš-ka* «развилка», но *meš* «пчела» → *n'eš-kä* (> *n'is'-ke*) «улей»; **-ga/*-gä* (> *-ge*): *navla* «скользящий» → *nol-ga* «слизь», но *er'a-ms* «жить» → *er'-gä* (> *ir'-ge*) «сила», *käd'* «рука» → *käd'-gä* (> *ked'-ge*) «посуда».

В образовании прилагательных активное участие приняли дериваторы: **-da/*-d'ä* (> *-d'e*): *taṅgä-da* «жесткий, твердый; напряжённый» (ср.: ф. *tanke-a* < **tanke-da*), *kalgä-da* «жесткий», но *vi-d'ä* (> *vi-d'e*) «прямо, прямой» (ср.: ф. *oike-d* < **oike-da*) [17, 19], *s'i-d'ä* (> *s'i-d'e*) «частый», *nar'-d'ä* (> *nar'-d'e*) «прочный»; **-u/*-i* (*-î*): *lov* «снег» → *lov-u* «снежный», *sov* «пена» → *sov-u* «пенистый», *ärdas* «грязь» → *ärdaz-u* «грязный», *lofca* «молоко» → *lofc-u* «молочный», но *vaj* «масло» → *vaj-i* «масляной», *vij* «сила» → *vij-i* «сильный», *s'er'* (> *s'ir'*) «высота» → *s'er'-i* (> *s'ir'-i*) «высокий»; *t'isä* «травя» → *t'is'-i* (> *t'is'-i*) «травянистый».

Продуктивными являются аффиксы адвербу-
мов: **-a/*-ä* (> *-e*): *ftal* «задняя часть» → *ftal-a*
«сзади»; *al* «низ» → *al-a* «внизу», но *ingäl'* «пе-
редняя часть» → *ingäl'-ä* (> *ingäl'-e*) «впере-
ди», *vär'* «верх» → *vär'-ä* (> *ver'-e*) «наверху»;
**-u/*-i*: *ftal* → *ftal-u* «назад», *al* → *al-u* «вниз», но
ingäl' → *ingäl'-i* «вперёд»; *vär'* (> *ver'*) → *var'-i*
«наверху»; **-ga/*-gä* (> *ge*): *ftal* → *ftal-ga* «сза-
ди»; *al* → *al-ga* «снизу», но *ingäl'* → *ingäl'-gä*
(> *ingäl'-ge*) «спереди»; *var'* (> *ver'*) → *var'-gä*
(> *ver'-ge*) «сверху»; **-da/*-d'ä* (> *-d'e*): *ftal* →
ftal-da «сзади»; *al* → *al-da* «снизу», но *ingäl'* →
ingäl'-d'ä (> *ingäl'-d'e*) «спереди»; *var'* (> *ver'*)
→ *var'-dä* (> *ver'-d'e*) «сверху».

В образовании числительных принимают участие следующие аффиксы: *-u/-i*; *-ga/-gä* (> *ge*), например: *kafta* → *kaft-u* «на две части», *kolma* → *kolm-u* «на три части», *n'il'ä* (*n'il'e*) → *n'il'-i* «на четыре части», *vet'ä* → *vet'-i* «на пять частей»; *kolma* → *kolma-va* «второе», *n'il'ä* (*n'il'e*) → *n'il'ä-va* «вчетверо», *s'is'am* → *s'is'am-gä* (> *s'is'am-ge*) «всеморо»; сложных и составных – *-ijä* (> *ije*); *-u-va*: *kemän'* (> *kimän'*) + *fkä* (> *fke*) + *-ijä* (> *ije*) → *kefk-ij-ä* (> *kivfk-ij-e*) «одиннадцать»; *kemän'* (> *kimän'*) + *kafta* + *-u-va* → *kemgaft-u-va* (> *kingaft-u-va*) «двенадцать»; *kemän'* (> *kimän'*) + *n'il'ä* (*n'il'e*) + *-ijä* (> *ije*) → *-kemn'il'-ij-a* (> *kimn'al'-ij-e*) «четырнадцать»; *koms'* + *fka* + *-ijä* (> *ije*) → *koms'fk-ij-ä* (> *koms'fk-ij-e*) «двадцать один». Архаичный аффикс *-va* может присоеди- няться только к лабиализованному гласно- му заднего ряда *u*: *kemgot-u-va* (> *kingot-u-va*) «шестнадцать», *kemgolm-u-va* (> *kingolm-u-va*) «тринадцать», *koms'kaft-u-v-a* «двадцать два».

В послеложных конструкциях аффиксаль- ный сингармонизм выражается в лативных, аблативных, пролативных формантах: *-a/-ä* (> *e*), *-da/-d'ä* (> *-d'e*), *-u/-i*, *-ga/-gä* (> *-ge*): *al* → *al-a* «под», *al-da* «из-под», *al-u* «под», *al-ga* «по»; *var'* «верх» → *var'-ä* (> *ver'-e*) «над», *var-i* «над», *var'-d'ä* (> *ver'-d'e*) «с», *var'-gä* (> *ver'-ge*) «по»; *ftal* → *ftal-a* «за», *ftal-da* «из-за», *ftal-u* «за», *ftal-ga* «по»; *ingäl'* → *ingäl'-ä* (> *ingäl'-e*) «перед», *ingäl'-d'ä* (> *ingäl'-d'e*) «с; перед; из- за», *ingäl'-i* «перед», *ingäl'-gä* (> *ingäl'-ge*) «по».

В парадигме словоизменения аффиксальная гармония представлена шире. В этом плане при- мечательным является темяшевский диалект [1], который сохранил некоторые черты общемор- довского языка. Так, в данном диалекте двухва- риантными аффиксами оформлены падежные форманты абессива (*-ftäma/-ft'imä*): темяш. *sal*

«соль» – *sal-ftäma* «без соли», *traks* «корова» – *traks-ftäma* «без коровы», *s'vet* «свет» – *s'vet-ftäma* «без света»; *vir'* «лес» – *vir'-ft'imä* «без леса», *l'äj* «река» – *l'äj-ft'imä* «без реки», *in'iz'i* «малина» – *in'iz'i-ft'imä* «без малины»; трансла- тива (*-ka, -kä, -ga, -gä*): темяш. *karaf* «овраг» – *karaf-ka* «по оврагу», *pir'f* «двор» – *pir'f-kä* «по двору»; *kud* «дом» – *käd-ga* «по дому», *s'ed'i* «сердце» – *s'ed'i-ga keräman'* «словно ножом по сердцу»; *jakšam* «холод» – *jakšam-ga* «по хо- лоду», *kad'* «рука» – *kad'-gä* «по руке»; латива (*-i/-u*): *mastär* «земля» – *mastär-u* «на землю», *oš* «город» – *oš-u* «в город»; *per'ä* «огород» – *pei'-i* «в огород».

В городищенском [13] и средне-вадском [6] диалектах мокшанского языка аффиксальный сингармонизм не охватывает конечный слог слова (*-ftäma/-ft'äma*): город.: *val* – *val-ftäma* «без слов», *panga* – *pangä-ftäma* «без грибов», но *mac'i* – *mac'iš'-t'äma* «без гусей», *mir'd'ä* – *mir'd'ä-ft'äma* «без мужа»; ср.-вад. *kal* – *kal-ftäma* «без рыбы», но *s'ed'* – *s'et'-ft'äma* «без моста».

В мокшанском языке лативные суффиксы *-i*, *-u* проявляются и в послеложных конструкциях, например: *kona šir'-i* «в какую сторону», *kona päl'-i* (> *pel'-i*) «в какую сторону», *kona vast-u* «в какое место», *kut't' ftal-u* «за дом», *val'mät' al-u* «под окна».

Двойное употребление суффиксов свойствен- но словам не только исконного происхождения, но и заимствованным: *šajgav-u* «в Шайгово», *insar-u* «в Инсар»; центр. *pojvel'-i*, ю.-в. *pojvəl'-i* «в Паёво»; центр. *otps'en'-i*, ю.-в. *otps'en'-i* «в Новое Пшенево».

Очень примечательными в плане разграни- чения морфем являются говоры юго-восточного диалекта мокша-мордовского языка [7; 27]. В говоре носителей данного диалекта наблюда- ется чёткая раздвоенность большинства падеж- ных форм: абессива: *paks'e* – *paks'a-ftäma* «без полей», *šära* – *šära-ftäma* «без стола»; *š'ejär'* – *š'ejär'-ft'äme* «без волос», *mel* – *mel'-ft'äme* «без желания»; аблатива: *-da/-d'e, -ta/-t'e*: *val'me* – *val'ma-da* «от окна», *paks'e* – *paks'a-da* «от поля (полей)» и *vil'e* – *vil'ä-d'e* «от села (сел)», *s'il'me* – *s'il'mä-d'e* «от глаза (глаз)», *š'ej* – *š'ej-d'e* «от болота (болот)»; *kud* – *kut-ta* «от дома», *panda* – *pant-ta* «от горы»; *pir'f* – *pir'f-t'e* «от двора», *l'et'f* – *l'et'f-t'e* «от покоса»; пролатива: *-ga/-ge, -ka/-ke*: *kud* «дом» – *käd-ga* «по дому», *vir'* «лес» – *vär'-ge* «по лесу»; *palf* «пепелище» – *palf-ka* «по пепелищу», *pan'čf* «цветок» – *pär'f-ke* «по цветку»

(аллофоны с глухими консонантами встречаются очень редко). Иногда наряду с формами пролатива на **-ga**, **-ge** употребляются формы с **-va**: *mar'-ge* и *mar'-a-va* «по яблочку», *var'-ge* и *var'-a-va* «по лесу, через лес», в таком случае перед **-va** восстанавливается выпавший гласный основы; сохранилась она и в некоторых адвербах, например: *ombas'-d'e* «во второй раз», *kolmas'-d'e* «в третий раз».

Часто при агглютинации аффикса на морфемном стыке наблюдается адаптация соседних звуков по признаку палатальности или велярности, глухости или звонкости, например: *pid'-a-ms* «сварить» – *pi-c'-a-ms* (< *pit'* – + *-s'-a* – < **pid'-a* – + *-s'-a*) «варить (многократно)»; *m'id'* «мёд» – *m'it'-ft'am'e* «без мёда» (< **m'id'* – + *-ft'am'e*); *kud* «дом» – *kut-t* «дома» (< **kud* – + *-t*) – *kut'-t'* «этого дома» (< **kud* – + *-t'*) [8].

Обсуждение и заключения

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам:

- 1) анализ диалектного материала подтвердил распространение прогрессивной ассимиляции гласных на суффиксальные элементы;
- 2) агглютинация словоизменительных и сло-

вообразовательных маркеров теснейшим образом связана с фонетическим законом сингармонизма;

3) большинство аффиксов имеют двухвариантное (палатально-велярное) звуковое оформление. Агглютинация того или иного алломорфа к основе зависит не только от качества гласного головного слога по ряду, но и от палатального или велярного характера ауслаутного консонанта;

4) согласно иллюстративному материалу, степень распространённости аффиксального сингармонизма в диалектах неодинакова: в большей степени распространение она получила в темяшевском, юго-восточном, центральном диалектах; в средне-вадском диалекте из сферы её влияния вышел конечный слог;

5) ассимилятивная сущность сингармонизма распространяется как на гласные полного образования, так и на аллофоны редуцированной гласной фонемы.

Результаты исследования способствуют сравнительно-историческому изучению отдельных вопросов фонетики и морфологии мордовских и других финно-угорских языков.

Список сокращений

Абл. – аблатив, ген. – генитив, город. – городищенский диалект, дат. – датив, егор. – егоровский говор, кажл. – кажлодский говор, кал. – каляевский говор, м. – мокша-мордовский язык, пш. – пшневский говор, ср.-вад. – средневадский диалект, темяш – темяшевский диалект, ф. – финский язык, э. – эрзянский язык, ю.-в. – юго-восточный диалект.

Список источников и литературы

1. Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226.
2. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.
3. Грамматика мордовских языков. Саранск: Мордов. гос. ун-им. Н. П. Огарева, 1980. 431 с.
4. Грамматика мордовских языков: фонетика и морфология. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 376 с.
5. Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 244 с.
6. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433.
7. Жебряткина И. Я. Глушковско-алексовские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2013. 17 с.
8. Иванова Г. С., Ишаева Л. В. Явление сандхи в мокша-мордовском языке // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал, 2015. № 2 (22). С. 109–111.
9. Иванова Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 176 с.
10. Иванова Г. С., Поляков О. Е., Жебряткина И. Я. Реализация финно-угорского гласного *е конца основы в мокшанском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 141–145.

11. Керестеш Л. Основы мордовского языкознания. Дебрецен: Изд-во Дебреценского ун-та, 2017. 186 с.
12. Левина М.З. Особенности падежного маркирования в определенном склонении западного диалекта мокшанского языка (лингвогеографический аспект) // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54. № 1. С. 16–30.
13. Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк) // *Очерки мордовских диалектов*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 289–330.
14. Миронов Т. П. Теньгушевский (шокша) диалект как результат скрещения. Саранск: Мордгиз, 1936. 114 с.
15. Мокшень кяль. Морфология = Мокшанский язык. Морфология / Под ред. Н. С. Алямкина. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 236 с.
16. Мосин М.В., Мосина Н.М. Лексика мордовских языков в историческом освещении. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 128 с.
17. Мосин М. В. Фонетическая структура финно-угорской основы слова в мордовских языках. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та Саранск. филиал, 1989. 60 с.
18. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Под ред. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской и др. М.: Наука, 1975. 484 с.
19. Рот А. М. О гармонии гласных в финно-угорских языках // *Вопросы финно-угорского языкознания*. М.; Л.: Наука, 1964. С. 59–67.
20. Современные мордовские языки. Фонетика / Общ. ред. Л. В. Бондарко, О. Е. Полякова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 203 с.
21. Феоктистов А. П. Мордовские языки // *Основы финно-угорского языкознания*. М.: Наука, 1975. С. 248–344.
22. Финно-волжская языковая общность / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1989. 272 с.
23. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 429 с.
24. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. М., Рябов И. Н. Структура падежных форм парадигмы определенного склонения в эрзянском диалектном ареале // *Вестник угроведения*. 2017. Т. 7. № 4(31). С. 86–97.
25. Цыганкин Д. В. Фонетика эрзянских диалектов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1979. 112 с.
26. Цыганов Н. Ф. Из истории вокализма непервого слога эрзянского говора // *Филологические доклады*. Саранск: Мордгиз., 1948. Т. 2. С. 28–37.
27. Чудаева О. И. Старо-пшневский говор мокша-мордовского языка // *Очерки мордовских диалектов*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 3. С. 27–49.
28. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Импер. АН, 1910. 878 с.
29. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // *FUF*. Helsinki, 1946. B. XXIX, Heft 1–3. Pp. 222–337.
30. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Soci  t   Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.
31. Ravila P. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen // *Nyelvtudom  nyi k  zlem  nyek*, L. Budapest, 1936. k  t. 50. Pp. 381–385.
32. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. Berlin, 1964. 156 p.
33. Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin; Leipzig, 1922. 133 p.

References

1. Babushkina R. V. *Temyashevskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [Temyashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Sketches of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. 4. pp. 16–226. (In Moksha, Russian)
2. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 272 p. (In Russian, Erzya)
3. *Grammatika mordovskikh yazykov* [Grammar of the Mordovian languages]. Saransk. Mordovian State Universit Publ., 1980. 431 p. (In Moksha, Erzya, Russian)
4. *Grammatika mordovskikh yazykov: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages: phonetics and morphology]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1962. 376 p. (In Moksha, Erzya, Russian)
5. Gruzov L. P. *Fonetika dialektov mariyskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii* [Phonetics of dialects Mari language from the point of historical view]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ., 1965. 244 p. (In Russian, Mari)
6. Devaev S. Z. *Sredne-vadskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka* [The Middle Vad dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Sketches of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 2. pp. 261–433. (In Moksha, Russian)

7. Zhebratkina I. Ya. *Glushkovsko-aleksovskiye govory mokshanskogo yazyka* [The Glushkov-Aleskovsky dialects of the Moksha language]. Saransk, 2013. 17 p. (In Moksha, Russian)
8. Ivanova G. S., Ishayeva L. V. *Yavleniye sandkhi v moksha-mordovskom yazyke* [The phenomenon of sandhi in the Moksha-Mordovian language]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye: nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Humanities and Education: scientific and methodical journal], 2015, no. 2 (22), pp. 109–111. (In Moksha, Russian)
9. Ivanova G. S. *Sistema glasnykh v dialektakh mokshanskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii: monografiya* [The system of vowels in the Moksha dialects in historical view: monograph]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2006. 176 p. (In Moksha, Russian)
10. Ivanova G. S., Polyakov O. Ye., Zhebratkina I. Ya. *Realizatsiya finno-ugorskogo glasnogo *e kontsa osnovy v mokshanskom yazyke* [Implementation of the Finno-Ugric vowel *e of the end of the base in the Moksha language]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences], 2017, no. 4 (32), pp. 141–145. (In Moksha, Russian)
11. Kerestesh L. *Osnovy mordovskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Mordovian linguistics]. Debrecen: Izd-vo Debretsenskogo un-ta Publ., 2017. 186 p. (In Moksha, Erzya, Russian)
12. Levina M. Z. *Osobennosti padezhnogo markirovaniya v opredelennom sklonenii zapadnogo dialekta mokshanskogo yazyka (lingvogeograficheskiy aspekt)* [Features of case marking in a certain declension of the Western dialect of the Moksha language (linguogeographical aspect)]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2018, vol. 54, no. 1, pp. 16–30. (In Moksha, Russian)
13. Lomakina T. I. *Gorodishchenskiy dialekt moksha-mordovskogo yazyka (kratkiy foneticheskiy ocherk)* [The Gorodishchensky dialect of the Moksha-Mordovian language (short phonetic essay)]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Sketches of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. 4. pp. 289–330. (In Moksha, Russian)
14. Mironov T. P. *Ten'gushevskiy (shoksha) dialekt kak rezul'tat skreshcheniya* [Tengushevsky (Shoksha) dialect as a result of the crossing]. Saransk: Mordgiz Publ., 1936. 114 p. (In Russian)
15. *Mokshen'kiy. Morfologiya* [The Moksha language. Morphology]. Ed. by N. S. Alyamkin. Saransk: Krasnyy Oktyabr Publ., 2000. 236 p. (In Moksha)
16. Mosin M. V., Mosina N. M. *Leksika mordovskikh yazykov v istoricheskom osveshchenii* [Vocabulary of the Mordovian languages in historical view]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 128 p. (In Russian)
17. Mosin M. V. *Foneticheskaya struktura finno-ugorskoy osnovy slova v mordovskikh yazykakh* [Phonetic structure of Finno-Ugric word base in the Mordovian languages]. Saransk: Izd-vo Sarat. un-ta Saran. filial Publ., 1989. 60 p. (In Moksha, Erzya, Russian)
18. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskiy yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages]. Ed. by V. I. Lytkina, K. E. Maytinskaya. Moscow: Nauka Publ., 1975. 484 p. (In Russian)
19. Rot A. M. *O garmonii glasnykh v finno-ugorskiy yazykakh* [About the vowel harmony in the Finno-Ugric languages]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Issues of Finno-Ugric linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1964. pp. 59–67. (In Russian)
20. *Sovremennyye mordovskiye yazyki. Fonetika* [Modern Mordovian languages. Phonetics]. Ed. by L. V. Bondarko, O. E. Polyakova. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1993. 203 p. (In Moksha, Erzya, Russian)
21. Feoktistov A. P. *Mordovskiye yazyki* [The Mordovian languages]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1975. pp. 248–344. (In Russian)
22. *Finno-volzhskaya yazykovaya obshchost'* [Finno-Volga language community]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka Publ., 1989. 272 p. (In Russian)
23. Khaydu P. *Ural'skiye yazyki i narody* [The Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress Publ., 1985. 429 p. (In Russian)
24. Tsygankin D. V., Agafonova N. M., Ryabov I. N. *Struktura padezhnykh form paradigmy opredelennogo skloneniya v erzyanskom dialektnom areale* [The structure of case forms of a paradigm of certain declension in Erzya dialect areal]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, vol. 7, no. 4 (31), pp. 86–97. (In Russian)
25. Tsygankin D. V. *Fonetika erzyanskikh dialektov* [Phonetics of the Erzya dialects]. Saransk: Mordov. un-t Publ., 1979. 112 p. (In Russian)
26. Tsyganov N. F. *Iz istorii vokalizma ne-pervogo sloga erzyanskogo govora* [From the history of the vocalism of a non-first syllable of the Erzya dialect]. *Filologicheskiye doklady* [Philological reports]. Saransk: Mordgiz Publ., 1948. Vol. 2. pp. 28–37. (In Russian)
27. Chudayeva O. I. *Staro-pshenevskiy govor moksha-mordovskogo yazyka* [Old-Pshenevsky dialect of the Moksha-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Sketches of the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 3. pp. 27–49. (In Moksha, Russian)

28. Shakhmatov A. A. *Mordovsky ehtnografichesky sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. Saint-Petersburg: Tip. Imper. AN Publ., 1910. 848 p. (In Moksha, Erzya, Russian)
29. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. FUF, 1946, vol. 29 (1–3), pp. 222–337. (In Moksha, Erzya, German)
30. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre*. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p. (In Moksha, Erzya, German)
31. Ravila P. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen. *Nyelvtudományi közlemények*. Budapest, 1936, no. 50, pp. 381–385. (In Moksha, Erzya, German)
32. Steinitz W. *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*. Berlin, 1964. 156 p. (In German)
33. Szinnyi J. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Berlin-Leipzig, 1922. 133 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Цыганкин Дмитрий Васильевич, профессор кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук.
kafmoksh 2012@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-4806-2732

Иванова Галина Софроновна, профессор кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук.
galina17-05@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7717-543X

ABOUT THE AUTHORS:

Tsygankin Dmitriy Vasilyevich, Professor, Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences.
kafmoksh 2012@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-4806-2732

Ivanova Galina Sofronovna, Professor, Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences.
galina17-05@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7717-543X